

Патрушев Сергей

Мир тёмного мага

Сергей Патрушев

Мир тёмного мага

«Автор»

2026

Патрушев С.

Мир тёмного мага / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он ошибка округления в балансе Вселенной. Тот, кто платит налоги демонам и заставляет гвардейцев танцевать канкан одним щелчком пальцев. Его оружие не меч, а перо; его магия скука, способная сломить богов. Он сидит во тьме архивов, но именно он решает, взойдёт ли солнце завтра. Это история о том, как победить абсолютное зло... заставив его заполнить квартальный отчёт.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень на троне	5
Глава 2. Скука бессмертия	12
Глава 3. Взгляд Багровой Луны	20
Глава 4. Клинок, прошедший мимо	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Патрушев

Мир тёмного мага

Глава 1. Тень на троне

В «Золотом Фениксе» пахло старым деревом, дорогим табаком и отчаянием. Этот запах был визитной карточкой столицы — города, где имперское величие осыпалось золотой крошкой прямо в грязь подков наемничьих лошадей. Бар располагался на втором ярусе Квартала Гончаров, всего в десяти минутах ходьбы от Мраморной площади и Сапфирового дворца, но эта дистанция казалась непреодолимой пропастью. Здесь золото текло рекой, смывая кровь с рук тех, кто не успел вовремя вытереть их о шелковый платок.

Дэн сидел за столиком у самого окна, выходящего на крытую галерею. Его кресло из черного дуба было самым неудобным во всем заведении — высокая спинка впивалась в лопатки, а жесткое сиденье заставляло держать спину идеально ровно. Но именно поэтому он его и выбрал. Комфорт притупляет бдительность, а Дэн сегодня ждал гостей.

Перед ним стоял тяжелый бокал ручной работы, наполненный темным элем с густой шапкой пены. Напиток стоил как породистый жеребец, но Дэн едва пригубил его. Он смотрел сквозь толстое, чуть искажающее перспективу стекло на мокрую черепицу крыш. Осенний ливень превращал столицу в смазанную акварель, где огни фонарей расплывались желтыми кляксами. Внизу, по брусчатке, процокали копыта патрульного разъезда городской стражи. Латники даже не подняли голов. Золотой Феникс платил страже достаточно, чтобы те смотрели только вперед и вниз, никогда не вверх, на освещенные витражами окна второго яруса.

— Скучаешь, красавчик?

К его столу подошла девушка. Платье цвета запекшейся крови облегалo фигуру так тесно, что казалось второй кожей, а декольте нарушало законы гравитации. На ее шее висел массивный серебряный медальон гильдии утешительниц — официально они были танцовщицами и музыкантшами, но прайс-лист, который она небрежно положила на край стола рядом с локтем Дэна, говорил об обратном.

Дэн перевел на нее взгляд. Глаза девушки расширились. Она ожидала увидеть похоть, скуку или пьяную щедрость. Вместо этого на нее смотрела абсолютная, звенящая пустота. Зрачки в глазах мужчины не просто сузились от тусклого света люстр — они горели ровным, густым карминно-красным светом, словно два тлеющих уголька в глубине хорошо протопленного камина. Это не был цвет радужки, нет. Сама тьма внутри глазниц светилась этим нездоровым, пульсирующим багрянцем.

Девушка сглотнула. Медальон на ее груди внезапно показался ледяным. — Я... ошиблась столом, — хрипло выдавила она, пятясь. — Прошу прощения.

Она растворилась в табачном тумане быстрее, чем рассеивается дым от дешевой самокрутки. Официант, принеший эль час назад, тоже старался обходить этот столик по широкой дуге. Весь персонал бара знал негласное правило: гость в углу у окна неприкосновенен. Он заказывает самый дорогой напиток, оставляет чаевые, равные месячному жалованью повара, и ни разу не посмотрел ни на одну из девушек. Он вообще редко моргал.

Дэн снова повернул голову к окну. Его пальцы, длинные и бледные, с аккуратными ногтями человека, никогда не державшего в руках ничего тяжелее гусиного пера, медленно вращали тяжелый бокал. Налитый по самое горло эль оставался неподвижным, подчиняясь законам инерции вопреки движениям стекла. Ни одна капля не коснулась краев.

Тяжелая дубовая дверь внизу лестницы сотряслась от удара, способного высадить крепостные ворота. Затем еще раз. И еще. По ступеням загрохотали подкованные сапоги. Раз-

говоры в зале мгновенно стихли, сменившись напряженным звоном бокалов — всегда инстинктивно проверяли толщину своих кошельков и наличие пути к отступлению.

На галерее появился человек. Огромный, широкоплечий, занимающий собой все пространство прохода. От него несло кислым потом, перегаром и оружейной смазкой. Кольчуга, надетая поверх кожаного жилета, была помята, словно по ней проехали телегой, а правая рука покоилась на рукояти двуручного клеймора, лезвие которого было испещрено зубринами. Левую половину лица наемника пересекал старый шрам, стянувший кожу так, что казалось, будто наемник постоянно щурится.

Он пошатнулся, схватился за резные перила, чтобы не рухнуть, и обвел мутным взглядом зал. Искал он кого-то конкретного. Его глаза скользнули по богатым купцам, по скупающим офицерам гвардии в увольнении, по игрокам в кости, миновали девушку-танцовщицу, которая замерла посреди танца, боясь дышать, и наконец остановились на одинокой фигуре у окна.

Наемник издал звук, похожий на рычание раненого медведя, и тяжелой поступью двинулся к столику Дэна. С каждым его шагом тяжелые дубовые половицы жалобно скрипели.

— Ты, — прохрипел наемник, нависая над столом. Его тень полностью накрыла Дэна, погрузив ту часть комнаты в преждевременные сумерки. — Ты тот самый писарь?

Дэн не вздрогнул. Он лишь слегка приподнял бровь. Его лицо, лишенное возраста — гладкая кожа без единой морщины, но с какой-то древней усталостью в уголках рта — оставалось абсолютно спокойным. Он сделал маленький глоток эля. Напиток оказался великолепным: с нотками жженого сахара, северной сосны и легкой горечью полыни.

— У меня много профессий, — тихо ответил Дэн. Голос у него был бархатный, глубокий, совершенно не соответствующий драматизму момента. Таким голосом читают детям сказки перед сном или объявляют приговоры Верховного суда. — Какая именно тебя интересует?

— Та, из-за которой мой брат гниет в каменоломнях Седого ущелья! — рявкнул наемник, брызжа слюной. — Из-за твоих бумажек, канцелярская крыса! Имперский указ! Подпись советника!

Он попытался ударить кулаком по столу. Цель была простой — проломить толстую столешницу и припечатать наглому ублюдку к стулу, показать этому чистюле силу рабочего железа. Но движение получилось смазанным. Эль ударил в голову гиганта сильнее, чем осознание собственной потери. Координация подвела. Кулак прошел мимо края стола, задев лишь воздух, и наемник потерял равновесие, тяжело опершись свободной рукой о скатерть.

— Какая трагедия, — ровным тоном произнес Дэн. — Надеюсь, камни там теплые. Говорят, южные штреки неплохо держат тепло.

Это стало последней каплей. Разум окончательно утонул в спиртовом мареве. Для наемника это не было холодным презрением. Это было издевательство.

С ревом, от которого задрожали подвески масляных ламп под потолком, мужчина занес свой чудовищный клеймор. Лезвие со свистом рассекло воздух, метя точно в шею Дэна. Удар был смертельным, неотвратимым и быстрым настолько, насколько позволяла масса оружия. Пьяная ярость придала ему инерцию тарана. Столы вокруг посыпались посудой, закричала женщина, кто-то бросился к выходу, опрокидывая скамьи.

Дэн не встал.

Он даже не отклонился.

В тот момент, когда до его кадыка оставались считанные дюймы смертоносной стали, фигура в кресле пошла рябью. Плоть, ткань дорогого камзола темно-фиолетового цвета, бледная кожа шеи — все потеряло плотность. Цвета смешались, потекли вниз, как воск по свече. Человек буквально просочился сквозь собственное кресло.

Клеймор беспрепятственно вошел в дерево. Лезвие с треском расщепило спинку антикварного кресла, глубоко вонзилось в пол, выбив фонтан щепок, и намертво застряло между балками перекрытия.

Там, где секунду назад сидел живой мужчина, теперь клубился сизый, плотный туман. Он пах озоном после грозы, старой бумагой и железом. Облако дыма медленно перетекло через плечо наемника, игнорируя законы тяготения, и собралось воедино уже за его спиной.

Великан дернул оружие на себя, пытаясь освободить клинок, но оно сидело мертво. Он зарычал, разворачиваясь на каблуках, готовый размазать врага по стене голыми руками.

И встретился с ним взглядом.

Дэн стоял в трех шагах позади него. Его фиолетовый камзол был безупречен, на ткани не было ни одной пылинки от разбитого пола. Он больше не сутулился, расслабленно откинувшись на невидимую спинку воздуха. Руки свободно висели вдоль тела. А глаза пылали. Красное свечение заполнило всю радужку, превратив глазницы в провалы, из которых на наемника смотрела сама Бездна. Багровый свет отбрасывал причудливые тени на высокий потолок галереи.

Взгляд красных глаз не нес угрозы. В нем не было гнева, ненависти или боевого азарта. Там было нечто куда более страшное — холодное, клиническое любопытство патологоанатома. Взгляд взвешивал душу наемника, измерял ее линейкой и находил ничтожно легкой.

Время замедлилось.

Для всех остальных в зале — для побледневших купцов, для официанта с открытым ртом, для музыкантов, забывших ноты — произошло необъяснимое. Огромный воин с клеймором вдруг замер. Замер нелепо, в середине разворота, с занесенной для шага ногой и перекошенным от ярости лицом. Капля пота сорвалась с его лба, зависла в воздухе, медленно-медленно преодолевая расстояние до грязной щеки, да так и не упала. Звякнувшая монета, выпавшая из чьего-то кошель, повисла в полуметре от пола, тихонько вибрируя. Огонь в очаге перестал пожирать поленья, языки пламени остекленели, став похожи на рубиновое стекло.

Только Дэн остался подвижным в этом янтаре застывшего мгновения. Он подошел к наемнику вплотную. Шаг его был бесшумен. Он поднял руку и двумя пальцами — большим и указательным — взял великана за подбородок, заставляя поднять голову выше. Кожа наемника под его пальцами была горячей и влажной, но сам гигант не дышал. Его грудная клетка не поднималась.

Дэн склонил голову набок, рассматривая шрам. Провел кончиком пальца по стянутой коже. — Каменоломни Седого ущелья, — повторил он своим бархатным голосом, обращаясь к статуе. — Приговор подписал судья Маркус три недели, два дня и четырнадцать часов назад. Твой брат, Грегор, осужден за убийство сборщика налогов и пятерых членов его семьи. Они сгорели заживо в собственном амбаре. Советник здесь ни при чем. Впрочем, как и я. Я лишь составил протокол изъятия имущества в пользу короны. Сухая статистика. Чистая математика возмездия.

Он отпустил подбородок наемника. Голова здоровяка безвольно качнулась вперед, но не упала.

Дэн развернулся. Его внимание привлек бокал. Дорогой хрусталь чудом уцелел среди обломков мебели. Эля осталось на самом дне. Дэн поморщился. Теплый.

Он щелкнул пальцами левой руки.

Раздался звук, похожий на лопнувшую струну огромной арфы. Воздух содрогнулся.

Мир пришел в движение.

Осколки посуды посыпались на пол. Женщина вскрикнула, завершая начатый вздох. Монета громко цокнула о доски. Огонь в очаге возмущенно затрещал, возвращаясь к своей разрушительной работе.

А наемник упал.

Он рухнул тяжело, как мешок с мокрым песком, лицом вниз, прямо в лужу пролитого кем-то вина. Он не был мертв. Сердце билось ровно и сильно, легкие требовали кислорода.

Но его нервная система получила приказ, которому тело не могло воспротивиться. Нейронные связи, отвечающие за произвольное сокращение мышц, были временно заблокированы мощным паралитическим импульсом. Он мог дышать, слышать гул голосов, заливающих истеричным смехом где-то в дальнем углу, чувствовать холодный камень щекой. Но не мог пошевелить даже веком. Он превратился в живую статую, запертую в саркофаге собственного мяса. Абсолютная телесная тюрьма.

Дэн опустил обратно в свое уцелевшее кресло. Оно протестующе скрипнуло, но выдержало. Он подозвал пальцем перепуганного насмерть официанта. Тот подбежал, поскальзываясь на битом стекле, дрожащими руками сжимая полотенце. — Еще один, — сказал Дэн, кивнув на пустой бокал. — Такой же. И пусть откроют новую бутылку. Эта бутылка оскорблена падением.

Официант часто закивал, попятился, схватил бокал и пулей вылетел в сторону стойки, налетев по пути на перевернутую скамью.

Дверь наверху лестницы снова открылась. На этот раз беззвучно. Без единого скрипа петель.

В зал вошли двое. Первый — невысокий, одетый в серую форму Тайной Канцелярии, настолько неприметный, что взгляд соскальзывал с него, как вода с промасленной бумаги. Второй — высокий аристократ в плаще из черной шерсти, расшитом серебром. Лицо аристократа было бледным, почти прозрачным, а волосы имели оттенок воронова крыла. Он двигался с хищной грацией большого кота.

Аристократ остановился возле столика Дэна. Его ноздри дрогнули, втягивая воздух. Он учуял запах озона и древнего ужаса, пропитавший паркет. — Любишь дешевые эффекты, Писарь? — спросил вошедший. Голос у него был мелодичный, но с режущими металлическими нотками. — Паралич нижних чинов Департамента Войны обходится казне недешево. Придется списывать ветерана с полным пансионом. Инвалидность ума лечится хуже, чем отсутствие ноги.

— Он пытался испортить мне вечер, Элиан, — Дэн лениво повернул голову. Красное свечение в его глазах погасло, оставив лишь обычную человеческую темноту, но собеседник слишком хорошо знал, на что способна эта темнота. — И испортил мое любимое кресло. Кстати, твой громила сломал мой клеймор. Рукоять осталась у меня, лезвие пришлось оставить в балках. Хорошая сталь, редкаяковка. Жаль.

Элиан де Корвин, глава внешней разведки империи и единственный человек, кроме нынешнего императора, кому Дэн позволял приближаться к себе ближе чем на пять шагов, усмехнулся краем губ. Он обошел лежащего наемника, брезгливо подобрав полы плаща. — Департамент Войны прислал официальную жалобу. Называют тебя демоном. Требуют экзорцизма. Архиепископ запрашивает аудиенцию.

— Пусть приходит, — пожал плечами Дэн. — Я пропущу его молитвенник через пресс-папье. Получится отличная гербовая бумага. Пришли мне счет за ущерб, я переведу средства из резервного фонда стабилизации северных границ. Там сейчас все равно тишина, деньги простаивают.

Официант вернулся, неся перед собой новый бокал с идеальной пеной, словно никакой драки и не было. За ним следовал хозяин заведения, готовящийся упасть в ноги высокопоставленным гостям и предложить им годовой запас эля бесплатно.

Элиан махнул хозяину рукой, отпуская его. Тот испарился. — Император обеспокоен, — продолжил разведчик, принимая из рук Дэна салфетку и тщательно протирая перчатки, хотя на них не было ни пятнышка. — Твоя инициатива с налоговыми амнистиями в западных провинциях вызвала цепочку банкротств. Три старых рода потеряли земли. Их наследники сейчас штурмуют приемную Сената.

— Земли, которые они не обрабатывали сорок лет, сдавая их бандитам, — уточнил Дэн, делая первый, долгожданный глоток свежего напитка. На его лице отразилось искреннее удовольствие. — Теперь там сеют пшеницу. Амнистия аннулирована, земля передана свободным общинам. Эффективность выросла на четыреста процентов. Что касается Сената... Передай императору, что если сенаторы будут тратить меньше времени на интриги против моей скромной персоны и больше — на чтение моих докладов, они успеют спасти свои капиталы до того, как я доберусь до южных торговых путей. Закон о монополии на соль будет подписан завтра в полдень. Копию курьер доставит тебе лично.

Элиан молча смотрел на него. В отличие от напившегося наемника, главу разведки нельзя было заморозить взглядом. Элиан видел истинную природу Дэна. Он знал, что под человеческой оболочкой скрывается не демон и не маг. Демонов можно изгнать, магов — убить антимагической петриной пылью. То, чем являлся Дэн, существовало вне этих категорий. Он был функцией. Идеально настроенным механизмом причинно-следственных связей. Аксиомой, облаченной в плоть. Если империя — это колоссальное уравнение, то Дэн был той самой переменной, которую подставляли в формулу, когда остальные методы решения переставали работать. Он был Логикой, наделенной правом вето.

— Ты становишься слишком заметным, — тихо сказал Элиан. — Красный свет видели двенадцать человек. Двое из них служат Первому советнику. Он и так точит на тебя зуб за провал операции с векселями Дома Валери.

— Первый советник ворует медь из портовых складов, — равнодушно бросил Дэн. — Я знаю вес каждой украденной плиты. Когда объем меди в хранилищах станет критически мал для покрытия внешнего долга перед орками Степи, я предоставляю императору таблицу расчетов. Ровно за десять минут до того, как кочевники потребуют дань нашими детьми. Пусть советник продолжает. Он делает мою работу нагляднее.

Дэн допил эль одним долгим глотком. Поставил бокал на край стола. Звук соприкосновения хрусталя с деревом прозвучал в наступившей относительной тишине зала как выстрел.

— Сегодня я закончил свод по Юго-Восточному тракту, — сменил тему Дэн, вытирая губы белоснежным платком. — Караваны с пряностями теряют двадцать процентов товара на отрезке между Серым Перевалом и Дельтой. Не от разбойников. Разбойники давно платят нам долю. Теряют от крыс. В зернохранилищах станций. Крысы плодятся быстрее, чем мы успеваем травить их ядами. Предлагаю запустить на линии ген-модифицированных мангустов. Расходы окупятся за один сезон.

Элиан закатил глаза. — Ты хочешь выпустить бешеных хорьков на главный торговый путь страны. Казначей откажет. Ему нравятся обычные цифры.

— Тогда мы потеряем еще три миллиона золотом в следующем квартале, — Дэн поднялся. Его рост оказался неожиданно внушительным, хотя сидя он казался хрупким. — И казначею придется объяснять дыру в бюджете ростом цен на свечи. Свечи подорожают, потому что пчеловоды восточных пасек бастуют из-за введения налога на ульи. Я могу связать любую инфляцию с любым указом Сената. Хочешь посмотреть график зависимости стоимости капусты от количества любовниц архиепископа? Корреляция пугающе прямая.

Разведчик покачал головой и коротко хохотнул. Смех его звучал сухо, как шелест осенних листьев. — Знаешь, почему император тебя до сих пор не сжег, Писарь? Хотя закон предписывает сжигать таких, как ты, вместе с их библиотеками?

— Потому что библиотека — единственное, что стоит между ним и настоящей революцией, — ответил Дэн, поправляя лацкан камзола. — А я — единственный, кто умеет читать написанное между строк реальности. Доброй ночи, Элиан. Передай императору, что трон шатается. Но мои расчеты показывают, что гвозди еще держат.

Он пошел к служебному выходу, расположенному за стойкой бара. Ему не нужно было пробиваться сквозь толпу напуганных аристократов и купцов. Толпа сама расступалась перед

ним, создавая живой коридор. Люди опускали глаза, отворачивались, делали вид, что невероятно увлечены узорами на своих кубках. Они чувствовали исходящий от него холод глубокого подземья.

Хозяин заведения выскочил из-за стойки, намереваясь проводить высокого гостя, но Дэн проигнорировал его, исчезнув в темноте служебного хода.

Элиан проводил его взглядом, затем посмотрел на все еще лежащего на полу наемника. Великан продолжал дышать, его глаза бессмысленно смотрели в одну точку.

— Уберите это, — брезгливо бросил глава разведки двум агентам в сером, появившимся из теней. — В лазарет Департамента. Стереть память трактирщику, компенсировать убытки вдвое. И пришлите плотника. Кресло господина Дэна действительно безнадежно испорчено. Нам нужен черный дуб. Выдержанный. И никаких гвоздей. Он ненавидит железо в мебели.

Оставшись один, Элиан подошел к огромному окну, тому самому, у которого сидел Дэн. Дождь усилился, барабания по свинцовым переплетам рамы. Город внизу тонул во мраке и роскоши. Где-то там, в недрах Сапфирового дворца, стареющий император каждую ночь просыпался от звука падающей капли. Он думал, что это течет крыша.

Но Элиан знал правду. Это оседала власть. И единственным человеком с ведром и тряпкой в этой прогнившей усадьбе империи был худощавый мужчина с глазами цвета остывающих углей, который прямо сейчас наверняка сидит в своем кабинете и выводит каллиграфическим почерком очередной приговор здравому смыслу.

Дэн вышел на улицу через кухню, пройдя мимо удивленных поваров. Задняя дверь вывела его в тесный переулок, заваленный гниющими овощами и ящиками. Здесь воняло так, что аромат элитного эля казался миражом.

Он достал из внутреннего кармана камзола плоскую серебряную коробочку. Внутри, на бархатной подложке, лежала не курительная смесь и не порошок. Там покоился миниатюрный самопишущий механизм — сложное переплетение золотых шестеренок размером не больше ногтя, соединенных тончайшей паутиной зачарованной нити.

Дэн нажал на едва заметный выступ. Механизм ожил. Шестеренки провернулись, нить натянулась, и из крошечного сопла вытекла капелька черных чернил.

Дэн раскрыл левую ладонь. На коже проступили светящиеся синим линии — сложный геометрический узор печати доступа. Он приложил работающий механизм к центру ладони.

Золотой прибор вспыхнул, впитывая энергию, и рассыпался серебристой пылью.

На тыльной стороне правой руки Дэна, прямо поверх гладкой кожи, проявилась татуировка. Она не была нанесена иглой. Символ — спираль, вписанная в незамкнутый квадрат — возник сам собой, выжженный изнутри холодной плазмой. Старый символ на предплечье мигнул и погас, сменившись новым.

«Архивариус Внешнего Круга», — прошептала печать беззвучным языком боли, понятным только своему носителю. — «Уровень допуска: Абсолют. Объект наблюдения: Наследный Принц».

Дэн посмотрел на свою руку, затем перевел взгляд в конец переулочка, где маячила фигура в сером — его постоянный эскорт, приставленный Элианом. Агент делал вид, что прячется от дождя под козырьком лавки зеленщика, но тень от его капюшона имела неправильную геометрию. В ней пряталось лишнее ребро.

Дэн позволил себе легкую улыбку. Губы искривились, обнажая зубы в выражении, которое не имело ничего общего с радостью.

Если они думают, что могут следить за ним, используя старые методы Департамента, значит, они еще не поняли главного.

Он не был пешкой, которую передвигают по доске.

Он был игроком, который меняет правила игры прямо в процессе записи хода. И доска, и фигуры вскоре станут частью архива. Неприметной папкой в нижнем ящике его стола, подписанной: *«Причины падения династии. Том четвертый. Предварительные итоги»*.

Он запахнул ворот камзола повыше, спасая дорогую ткань от кислотного дождя столицы, и шагнул в поток теней. Город поглотил его без остатка, как поглощает тысячи других жизней каждый день. Но дыхание огромного, больного организма, называемого Империей, впервые за долгие годы сбилось с ритма. Холодный разум Дэна уже чертил новые графики, и красная линия вероятности гражданской войны на них стремительно ползла вниз, уступая место черному цвету неизбежности большой чистки.

Глава 2. Скука бессмертия

Кабинет Дэна не имел окон. Императорский архив, расположенный в западном крыле Сапфирового дворца, уходил на пять ярусов под землю, и Дэн выбрал для себя самый нижний — так называемый «Слепой уровень». Сюда не доносился звон дворцовых курантов, здесь не чувствовалась смена дня и ночи, а воздух был стерильным и неподвижным, пахнувшим старой кожей, пылью веков и озоном — побочным эффектом его собственной природы.

Единственным источником света служила люстра из горного хрусталя, подвешенная прямо в центре круглой комнаты. Но свет ее был странным. Он не рассеивался по углам, создавая уютные тени, а бил плотными, осязаемыми столбами вертикально вниз, выхватывая из полумрака лишь стол красного дерева, глубокое кресло и стеллажи с документами. Остальная часть кабинета тонула в абсолютной, первозданной черноте. Казалось, если сделать шаг в сторону от освещенного пятка, можно упасть в бесконечную пустоту.

Дэн сидел за столом, но перед ним не было бумаг. Его пальцы методично разбирали механические карманные часы. Золотые шестеренки, балансиры и пружинки левитировали вокруг его головы, медленно вращаясь против часовой стрелки. Время внутри этого кабинета подчинялось только воле хозяина.

Он чувствовал вес столетий у себя на плечах, и этот вес давно перестал быть обузой. Он стал мебелью. Обоев. Фоном.

Бессмертие — или то состояние квазисуществования, которое люди ошибочно называли бессмертием применительно к нему — начиналось не с вечной молодости. Оно начиналось со скуки. Настоящей, всепоглощающей, способной разесть адамантий.

Человеческий разум создан для финала. Эволюция вложила в него страх смерти как главный двигатель прогресса. Страх заставляет любить отчаянно, строить высокие башни, писать стихи и развязывать войны. Уберите финал, и смысл исчезает. Любовь превращается в привычку, строительство башен — в бессмысленное перемещение камней, а война... война становится архитектурной задачей.

Дэн щелкнул пальцами. Левитация прекратилась. Части часов мгновенно сорвались со своих орбит и с тихим, сухим стуком собрались воедино на зеленом сукне стола. Тикающий механизм пошел назад. Стрелки дернулись, отсчитывая время вспять. Сейчас где-то в городе брошенная чашка склеится из осколков и вернется на блюдце, а зарубцевавшийся шрам на лице уличного вора вспыхнет болью и рассечет кожу заново. Для Дэна это была простейшая арифметическая операция. Перенос вектора энтропии.

Он откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза. Красное свечение под веками пульсировало в такт его сердцу, которое билось ровно один раз в три минуты. Кровь в его жилах не текла — она стояла, превратившись в густую, тяжелую ртуть, приводимую в движение лишь древней магией самого мироздания.

Его память не была похожа на человеческую. Люди помнят события эмоциями. Они вспоминают запах бабушкиных пирогов, боль первой утраты или восторг победы. Память Дэна была каталогизирована. Она представляла собой бесконечный библиотечный зал, где каждая секунда его жизни была записана на пергамент, пронумерована и помещена в соответствующий раздел: «Ошибки», «Успешные переменные», «Лишние жертвы», «Эстетика».

Сейчас он открыл ячейку памяти номер сорок тысяч восемьсот двенадцать. Юго-Западная равнина. Поле высохшей полыни. Двадцать лет назад.

Они называли себя Орденом Последнего Рассвета. Легендарные паладины Церкви Триедного, очищающие мир скверны. В их хрониках он значился как «Воплощенный Грех», «Пожиратель Истины» и «Анти-Создатель». Крестьяне в окрестных деревнях шептались о демоне,

который пьет души, хотя Дэн никогда не испытывал голода. Ему просто нужна была тишина. А Орден Света шумел громче весенней грозы.

Их привел Магистр Илларион. Человек, чья вера была настолько чистой и горячей, что буквально выжигала кислород вокруг. Седой, с лицом, похожим на печеное яблоко, но с глазами фанатика, в которых плясало белое пламя. За его спиной стояли пятьдесят лучших воинов церкви.

Это была армия. Закаленная сталью и молитвами. Их латы сияли так ярко, что больно было смотреть — серебро, выплавленное в мифрил, покрытое рунами экзорцизма. Поверх доспехов они носили белые плащи из асбестовой ткани, пропитанной святой водой. От них исходил такой густой аромат ладана и розового масла, что горькая полынь под их ногами, казалось, должна была увянуть от одного присутствия святости.

— Именем Света, изыди! — голос Магистра гремел над равниной, усиленный акустикой зачарованного нагрудника.

Дэн стоял посреди поля. На нем не было доспехов. Только простой льняной костюм серого цвета, уже припорошенный дорожной пылью. Он выглядел бухгалтером, случайно забредшим на поле брани.

Он даже не поднял глаз от своей трости, которую задумчиво поглаживал пальцем. — Вы стоите на государственной земле, господа, — произнес он своим бархатным голосом. — Ваши полномочия духовного суда заканчиваются за чертой храмовых земель. Это налогооблагаемая территория короны. Если вы сделаете еще один шаг, мне придется начислить вам штраф за незаконное пересечение границы графства. Плюс пени за последние десять минут проповеди. Сумма выйдет астрономической.

Илларион взревел. Для него слова были шелухой. Он видел перед собой Зло. Абсолютное, концентрированное, источающее ауру гниения. Паладины восприняли это как сигнал.

Земля дрогнула. Пятьдесят глоток одновременно выдохнули боевой клич. Воздух наполнился низким гулом — это активировались защитные амулеты на их шеях, сплетая купол божественного щита. Мечи покинули ножны единым слитным звуком, напоминающим вздох исполинского зверя.

Это была идеальная фаланга. Клин клиновидного построения указывал точно на грудь Дэна. Рыцари двинулись вперед шагом, переходящим в бег. Земля дрожала от тяжести пятидесяти тел, закованных в металл.

Для обычного человека это была бы смерть. Даже для сильного мага попытка остановить такую массу разогнанной стали и праведной ярости закончилась бы испепелением. Энергия удара могла бы вскипятить небольшое озеро.

Дэн посмотрел на несущуюся на него стену света и металла.

Ему стало скучно.

Не страшно. Не гневно. Просто невыносимо, зубодробительно скучно. Как бывает скучно взрослому человеку, наблюдающему за детской потасовкой в песочнице. Он знал каждый их маневр еще до того, как сигналы от их мозга дошли до мышц. Он читал напряжение в их икрах, считывал микроискры магии в их защитных талисманах, анализировал угол падения солнечных лучей на лезвия их мечей.

— Как предсказуемо, — вздохнул он.

Он не сделал ни одного жеста руками. Не произнес ни единого заклинания. Он просто моргнул. Медленно, тяжело опустив багровые веки и подняв их спустя мгновение.

Но в этот микроскопический промежуток времени, пока сетчатка человеческого глаза фиксировала темноту, реальность дала трещину.

Мир для рыцарей Ордена изменился.

Звук исчез первым. Оглушительный топот ног и лязг железа сменились абсолютной, давящей тишиной. Затем исчез ветер. Запах пыли и собственного пота под латными воротниками испарился, уступив место сладкому, тошнотворному аромату лилий.

Рыцарь, бежавший первым — молодой парень с едва пробивающимся пушком над верхней губой, которого товарищи звали Реном, — внезапно обнаружил, что трава под его ногами стала мягкой и влажной. Он выбежал из поля полыни прямо на мраморный пол огромного собора.

Высокие готические своды терялись во мраке, который разгоняли тысячи свечей. Пламя их было абсолютно неподвижным, не давая тепла и не отбрасывая теней.

Рен остановился, тяжело дыша, переводя дух после долгого бега. Он обернулся, ожидая увидеть строй товарищей.

И замер.

Прямо перед ним, в десяти шагах, стоял другой паладин из его же ордена. Старший брат-целитель Бартоломью. Но Бартоломью смотрел на Рена без всякого благочестия. В руке целителя вместо кадила был зажат тяжелый кистень. Шипастый шар окутывало бледное, нездоровое свечение некромантии. — Еретик, — прошипел Бартоломью, заноса оружие. — Ты впустил тьму в свое сердце!

Рен инстинктивно выставил щит. Кистень ударил в серебряную бляху. Раздался оглушительный звон, но Рен устоял. Адреналин хлынул в кровь. Бой начался.

То же самое происходило по всей линии атаки, которая теперь превратилась в огромную арену, ограниченную невидимыми стенами собора.

Магистр Илларион оказался на капитанском мостике горящего корабля. Небо над ним было цвета запекшейся крови, а из волн торчали черные плавники левиафанов. Перед ним стоял его первый помощник, держащий в руках ритуальный кинжал. — Капитан, нам нужен ваш компас, чтобы успокоить бурю! — кричал помощник, но в глазах его плескалось безумие. — Отдайте его добровольно, или мы вырвем ваши глаза!

Каждый из пятидесяти паладинов оказался в собственном персональном кошмаре. Священная роща превратилась в болото, полное кровососущих пиявок-пересмешиц. Чистое поле — в узкий коридор инквизиторской тюрьмы, где из соседних камер скалились лица их матерей, обвиняющих сыновей в предательстве.

Мечи рубили броню. Молнии срывались с пальцев боевых жрецов. Святая вода шипела, соприкасаясь с темной энергией, которой, как им казалось, были пропитаны их бывшие братья.

Они убивали друг друга.

Великолепно. Жестоко. Мастерски.

Опытнейший ветеран Грегор, чье лицо состояло из одних шрамов, парировал выпад юного послушника Люциана. Мальчик плакал, но продолжал атаковать, веря, что сражается с бесом, принявшим облик его наставника. Грегор обезоружил его, прижал коленом к земле и занес свой полуторный меч. — Прими Свет, мальчик, — прорычал Грегор, вкладывая в удар всю свою силу, чтобы даровать мальчишке быструю смерть.

Клинок вошел в тело. Боль была адской. Люциан захрипел, глядя в глаза учителю. По подбородку потекла кровавая пена. Грегор почувствовал, как теплая кровь брызнула ему на руки. Он отступил, вытаскивая лезвие. Тело мальчика на земле начало меняться. Плоть стекала с костей, словно воск, обнажая почерневшие суставы. Вместо лица юноши на Грегора смотрела ухмыляющаяся черепушка Иллариона. — Ты убил надежду, дурак, — проскрипел череп.

Грегор закричал и бросился прочь, спотыкаясь о тела павших товарищей, которые тоже начали стремительно разлагаться, превращая белый мраморный собор в склеп.

Время внутри иллюзии течет иначе. Психика воспринимает каждую мысль, каждое движение, каждый удар сердца как полноценное событие. Там нет ускоренной перемотки. Есть только настоящее.

Для паладинов прошла ночь. Они сидели среди трупов, истощенные, раненые, с переломанными костями и выгоревшей дотла маной. Утро принесло новых врагов — призраков их собственных грехов. Кто-то пытался молиться, но губы произносили лишь грязные ругательства. Кто-то искал воду, находя лишь лужи жидкого серебра, прожигающие горло.

Прошел день. Второй. Третий.

Белые плащи превратились в лохмотья, пропитанные кровью, грязью и собственным безумием. Мифриловые латы покрылись вмятинами и зазубринами. Меч Рена сломался у самой гарды, и теперь он душил Бартоломью голыми руками, рыча, как загнанный зверь, пока тот выдавливал ему глаза железными пальцами.

Они забыли, зачем пришли. Они забыли свои имена. Единственной реальностью осталась боль, усталость и необходимость убить соседа прежде, чем он убьет тебя. Три дня непрерывной резни, марша через гнойные топи чужих страхов и отчаяния. Три дня ада, уместившиеся в одну секунду объективного времени.

Дэн зевнул.

Настоящий, человеческий, широкий зев, от которого на мгновение заложило уши. Он встал из-за стола. Механические часы на сукне снова пошли вперед, возвращая правильное течение секунд.

Он подошел к краю освещенного круга и шагнул во тьму. Чернота расступилась перед ним, образуя проход. Он спустился по невидимым ступеням — личный портал, связывающий кабинет и поверхность.

Когда он вышел наружу, солнце стояло в той же точке, что и минуту назад. Легкий ветерок шевелил сухую полынь.

Картина, представшая его глазам, была достойна кисти баталиста, склонного к мрачному юмору.

Пятьдесят паладинов лежали вповалку на сухой траве. Идеальное построение рассыпалось, превратившись в хаотичное кладбище. Белые плащи больше не казались символом чистоты — они были изодраны в клочья, покрыты слоем засохшей грязи и такого количества крови, что ткань приобрела ржавый оттенок.

Воины не двигались. Лишь грудные клетки судорожно вздымались. Они дышали, как вытасканные из воды рыбы.

Магистр Илларион лежал ничком, сжимая в правой руке рукоять своего меча. Ногти левой руки были содраны в мясо — он пытался процарапать себе путь сквозь иллюзорную каменную стену, преградившую ему дорогу к победе. Рядом с ним застыл гигант Грегор. Его шлем валялся в стороне, волосы стояли дыбом, а единственный зрячий глаз закатился так, что виднелись только белки. Из его рта тянулась ниточка слюны, смешанной с пеной.

Самый юный из них, Рен, все еще конвульсивно дергал ногой, пытаясь нанести последний удар невидимому врагу. Его пальцы были сжаты так сильно, что кости ладони затрещали, когда Дэн присел рядом на корточки.

Дэн наклонил голову, рассматривая лицо парня. Ресницы мальчика слиплись от соли и слез. Губы беззвучно шептали молитву изгнания.

— Три дня, — тихо сказал Дэн, обращаясь скорее к ветру, чем к умирающему сознанию паладина. — Целых три дня борьбы за идею. Какой невероятный расход духовной энергии. Ваша вера впечатляет. Почти так же сильно, как ваша глупость.

Он выпрямился. Посмотрел на горизонт. Где-то там, за грядой холмов, находилась столица. Там Элиан де Корвин сейчас наверняка читает доклад о внезапном исчезновении авангарда Святого Воинства. Он будет гадать, сожрал ли их демон или призвал древний бог. Он никогда не догадается, что они просто слишком громко топали.

Дэн перевел взгляд на ближайшего рыцаря. Тот вдруг резко вдохнул, его глаза фокусировались. Взгляд метнулся к фигуре в сером костюме. В этом взгляде не было ненависти. Там была пустота глубокого колодца, на дне которого навсегда остался крик. Рыцаря вырвало желчью.

— Вам лучше остаться здесь, — посоветовал Дэн, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ближайшая деревня в пяти милях. Если доплзете до заката, крестьяне, возможно, дадут вам воды. Хотя... учитывая ваше нынешнее духовное состояние, освященная вода вызовет у вас химические ожоги третьей степени. Обычная грязь подойдет лучше.

Он развернулся. Его сапоги безупречно чистого темно-синего цвета не примяли ни одной травинки.

— Ах да, — бросил он через плечо, уже растворяясь в воздухе, становясь частью дрожащего марева над раскаленной землей. — Илларион. Когда будешь исповедоваться Папе, скажи, что Анти-Создатель просил передать: пусть пришлют кого-нибудь поинтереснее. Мне начинает надоедать эта репертуарная классика. Скучно.

Последнее слово растаяло в горячем воздухе вместе с ним.

Вернувшись в подземный архив, Дэн плеснул в бокал немного янтарного бренди из бутылки, которой насчитывалось двести лет. Алкоголь не пьянил его в привычном смысле — печень давно перестала участвовать в процессе метаболизма таким образом, — но вкус остался восхитительным. Химическая симфония дуба, винограда и времени.

Он сел в кресло. Скука вернулась, навалилась тяжелым шерстяным одеялом.

Проблема силы уровня Дэна заключалась в ее абсолютности. Когда ты можешь переписать законы физики движением брови, мир теряет текстуру. Горячий чай перестает обжигать, потому что ты знаешь точную температуру кипения каждой молекулы. Женская красота перестает волновать, потому что ты видишь структуру коллагена под кожей и дату, когда гравитация победит эту красоту, оттянув черты лица к ключицам. Тайны перестают интриговать, потому что замки открываются сами собой, стоит лишь прочесть вибрации металла.

Люди ищут власти, чтобы избавиться от страха. Дэн получил власть и обнаружил, что избавился от всего остального. Включая саму жизнь.

Раздался тихий мелодичный звон. Один из бронзовых колокольчиков, расставленных на специальной полке вдоль стены, качнулся сам по себе. Сигнальная система. Кто-то входил в зону архива без разрешения. Причем кто-то достаточно сильный, чтобы заставить вибрировать сплав, настроенный на частоту императорской крови.

Дэн не повернул головы. Он лишь коснулся поверхности стола, и одна из плит паркета ушла вниз, открывая небольшую нишу. Внутри лежал пистолет. Громоздкое, чудовищное устройство имперских оружейников. Ствол длиной в локоть, барабан на шесть камер, заряженных особыми кристаллами — прессованной эссенцией боли, извлеченной из сердец еретиков. Оружие, способное разорвать связь души с телом даже у существа вроде него. Крайняя мера. Признание поражения логики перед грубой силой уничтожения.

— Оставь игрушку в покое, Писарь, — раздался из темноты знакомый голос с металлическими нотками. — Я знаю, что твой палец быстрее мысли, но сегодня я пришел пить, а не умирать.

Из черного угла выступил Элиан де Корвин. Его черный плащ сливался с мраком архива, делая фигуру разведчика почти бестелесной. В руках он держал бутылку вина. Темного стекла, без этикетки.

— Ты испортил мне статистику потерь личного состава, — сказал Элиан, подходя к столу и ставя бутылку между ними. — Орден Света требует созыва Высшего Синода. Они утверждают, что ты проклял их земли бесплодием. Судя по тому, что половина выживших мочится кровью, а вторая половина сошла с ума, теологически они недалеко от истины.

— Им нужно чаще менять портных, — отозвался Дэн. — Серебряная нить в подкладке их плащей вступает в реакцию с потом и вызывает паранойю. Я просто помог проявиться симптомам.

Элиан усмехнулся и достал из рукава два тяжелых стеклянных бокала. Поставил их рядом с бутылкой. — Открой, — кивнул он на вино.

Дэн посмотрел на бутылку. Пробка не поддавалась бы обычному штопору — она была запечатана магией Дома Корвинов.

Дэн дунул на нее. Пробка с хлопком вылетела и ударилась о низкий свод потолка, оставив на камне крошечную выщерблину.

Элиан принялся к горлышку. — Виноградник сгорел в год Великого мора. Хороший урожай. Выпьем?

— Я не нуждаюсь в жидкости, — напомнил Дэн.

— Зато я нуждаюсь в компании того, кто понимает масштаб трагедии, — Элиан наполнил оба бокала. Рубиновая жидкость маслянисто стекала по стенкам. — Трагедии обладания всем этим.

Разведчик поднял свой бокал. Багровый цвет вина странно преломлялся в свете хрустальной люстры, окрашивая лицо аристократа в цвет свежей раны.

— Знаешь, почему я прихожу сюда, когда империя начинает трещать по швам? — спросил Элиан, сделав глоток. — Не ради твоих отчетов. Ради твоей скуки. Она заразительна. После разговора с тобой мои собственные проблемы кажутся такими... живыми. Теплыми. Я боюсь однажды проснуться и почувствовать то же, что чувствуешь ты. Холод камня. Вечность.

Дэн взял свой бокал. Он согрел стекло в пальцах, хотя температура напитка оставалась неизменной.

— Вечность переоценивают, — сказал он. — Это просто очень длинная прямая дорога без поворотов. Сначала тебе интересно разглядывать камни на обочине. Потом ты запоминаешь каждый камень. Потом ты понимаешь, что пейзаж не изменится до самого горизонта. Единственное спасение — начать самому перекладывать эти камни. Создавать искусственные препятствия. Искусственный интерес.

— Например, натравливать мангустов на крыс в зернохранилищах? — усмехнулся Элиан.

— Например, наблюдать, как пятьдесят фанатиков режут друг друга из-за дурного сна, — спокойно ответил Дэн. Его красные глаза смотрели сквозь разведчика. — Это было занятно первые несколько часов субъективного времени. Пока они использовали стандартные тактики. Но к третьему дню их воображения хватило только на то, чтобы пытаться перегрызть друг другу глотки зубами. Примитивизм млекопитающих удручает. Ни одного интересного концепта. Никакой диалектики насилия.

Элиан долго молчал, крутя бокал в пальцах. Вино оставляло на стекле тонкие ножки. — Что ты такое, Дэн? — наконец спросил он тихо. Вопрос, который задавали сотни людей на протяжении сотен лет. Вопрос, всегда звучащий в этой комнате впервые. — Архив говорит, что ты появился в налоговых ведомостях Западного побережья около трехсот лет назад. До этого — ничего. Ни свидетельства о рождении, ни записи в церковных книгах. Просто имя. Появившееся сразу с должностью старшего писаря.

— Я ошибка округления, — пожал плечами Дэн. — Суммарная погрешность вселенной. Когда Бог — или та слепая сила, что создала этот пузырь реальности — писал уравнение существования, он забыл перенести единицу. Или поставил лишнюю запятую. Я — результат деления на ноль. Меня не должно существовать, поэтому существующие правила на меня не распространяются. Я могу стоять на месте, пока весь мир вращается вокруг. Могу остановить падение яблока. Могу убедить человека, что небо зеленое, и он выбросится из окна, доказывая это. Потому что для мира я — системный сбой. Вирус в коде творения.

— Удобно, — кивнул Элиан. — Но ужасающе одиноко.

— Одиночество подразумевает ожидание другого, — возразил Дэн. — Я никого не жду. Я веду учет.

Элиан одним махом допил вино. Подошел к полке с сигнальными колокольчиками. Провел пальцем по ряду меди. — Северная кампания готова? — спросил он, меняя тему. Голос снова стал жестким, деловым. — Князь Степи собирает орду. Наши лазутчики докладывают о шаманах, призывающих песчаных элементарей.

— Орда развалится сама, — Дэн поднялся и прошел к дальнему стеллажу. Он провел рукой по корешкам кожаных папок. — Эпидемия сибирской язвы среди их лошадей начнется через две недели. Без кавалерии степняки — просто толпа голодных кочевников. Но...

Он остановился. Достал тонкую папку синего цвета.

— Но есть фактор X, — продолжил Дэн. — Имя: Ярослав. Титул: бастард покойного князя Владимира. Амбиции: неограниченные. Интеллект: выше среднего. Вера: нулевая. Такие люди опасны. Он не поведет орду в лобовую атаку на наши легионы. Он наймет флот пиратов, обойдет побережье по мелководью и высадится прямо в Летнем саду императора. Пока мы будем жечь степь, он выпотрошит казну.

Элиан напрягся. Вся его вальяжность слетела в одно мгновение. — Насколько высока вероятность?

— Сорок процентов, — ответил Дэн. — Растет с каждым часом. Бастард только что купил карту подземных рек у контрабандистов Южного порта. Мой человек в окружении торговца передал восточку. Карта подлинная.

— Мы можем перехватить корабль?

— Можем. Потеряем эскадру. Пиратов слишком много, а наш флот разбросан по южным рубежам. Классическая военная математика говорит «нет».

Элиан сжал кулаки.

Дэн вернулся к столу. Положил синюю папку прямо поверх механических часов.

— Но математику можно обмануть, — сказал он мягко. — Если изменить начальные условия задачи. Пусть бастард доберется до столицы. Пусть он войдет в тронный зал. Пусть приставит кинжал к горлу императора.

— Ты предлагаешь сдать город? — прошипел Элиан. — Предательство короны?

— Я предлагаю идеальный сценарий государственного переворота, — улыбнулся Дэн. Впервые за весь вечер его улыбка затронула не только губы, но и глаза, прогнав оттуда ледяную пустоту. — Мы позволим ему стать героем. Спасителем отечества. Мы сделаем так, что именно его рука уберет нынешнего, впавшего в маразм императора. Народ будет носить его на руках. Сенат падет ниц. А на следующий день после коронации новый император Ярослав подпишет указ о создании Министерства Прогнозирования. И возглавлю его я.

Элиан смотрел на него во все глаза. В голове главы разведки происходил стремительный пересчет вероятностей. Каждая новая цифра вела к одному и тому же выводу: стабильности империи на ближайшие пятьдесят лет.

— Ты хочешь посадить на трон братоубийцу, — выдохнул Элиан.

— Я хочу посадить на трон инструмент, — поправил Дэн. — Инструмент должен быть острым, амбициозным и обязанным тебе жизнью. Наш нынешний правитель мягок. Он верит в милосердие. Милосердие — это роскошь, которую может позволить себе процветающая республика. Империя на грани распада нуждается в хирурге с плохой наследственностью и отсутствием рефлексии.

Дэн открыл синюю папку. Внутри лежал всего один лист бумаги, заполненный убористым, каллиграфическим почерком.

— Подготовь отряд моих личных аудиторов, — сказал Дэн, беря перо. — Облачите их в одежды наемников Серого Братства. Пусть встретят корабль бастарда в дельте реки. И про-

следи, чтобы яд, которым смазуют кинжал Ярослава, действовал быстро, но не смертельно. Нам понадобится старый император живым, чтобы он успел отречься в пользу внука... то есть, в пользу победителя.

Элиан молча взял протянутую ручку. В глубине его глаз боролись ужас и восхищение. Он только что заглянул в чертежи будущего, написанные человеком, для которого судьбы миллионов были лишь цифрами в колонках дебета и кредита.

— Иногда мне кажется, — тихо произнес глава разведки, расписываясь внизу документа, — что Орден Света был отчасти прав. Ты действительно Антихрист. Только ты пришел не разрушать. Ты пришел наводить порядок.

— Порядок — самая жестокая форма хаоса, — ответил Дэн, забирая подписанный приказ. — В хаосе хотя бы весело. А в идеальном порядке всегда царит мертвая, абсолютная скука.

Он свернул бумагу в трубку и постучал ею по столу, выравнивая края.

Красное свечение в его глазах на мгновение вспыхнуло чуть ярче, отражая свет хрустальной люстры. Впереди маячила большая игра. Шахматная партия, где фигурами будут служить армии, династии и целые народы.

Это обещало занять его внимание примерно на полгода. Возможно, на целый год, если бастард окажется хоть сколько-нибудь талантливым игроком.

На целых двенадцать месяцев Дэн мог забыть о том, каково это — чувствовать тяжесть собственного бытия. Он снова окунется в любимую работу. В расчеты. В манипуляции. В холодное, отстраненное созидание чужой гибели ради абстрактной цифры эффективности.

Он отложил папку и снова взялся за бокал. Вкус бренди оставался великолепным. Но даже он постепенно становился просто набором химических формул на языке.

Скука — цена абсолютного зрения. И платить ее приходилось вечно.

Дэн закрыл глаза, позволяя темноте архива заполнить сознание. Он начал просчитывать логистику переброски отряда фальшивых наемников, попутно составляя в уме меню обеда на следующую среду. Жизнь продолжалась. Вернее, ее безупречно организованная симуляция.

Глава 3. Взгляд Багровой Луны

Сапфировый дворец в ночь ежегодного Бала Равноденствия напоминал разбуженный улей, инкрустированный драгоценностями. Сюда стекалась вся элита империи: от потомственных герцогов западных земель до нуворишей с Восточного побережья, чье золото пахло китовым жиром и порохом. Зал Тысячи Свечей утопал в золоте и хрустале. Сотни зеркал в тяжелых бронзовых рамах множили свет тысяч восковых свечей до состояния слепящего полудня, превращая пространство в калейдоскоп из шелка, бархата и обнаженных плеч.

Музыка струнного квартета лилась со второго яруса галереи — легкая, воздушная, написанная придворным композитором специально для того, чтобы не мешать сплетням. Но Дэну казалось, что он слышит скрип смычков по кошачьим кишкам. Частота вибраций была на три герца ниже идеальной гармонии ля-минора. Он стоял у массивной мраморной колонны, поддерживающей сводчатый потолок, и медленно вращал бокал с шампанским. Пузырьки газа поднимались вверх строго по прямой линии, нарушая броуновское движение — крошечный акт микро-надзора над физикой жидкостей, который помогал ему сохранять рассудок.

Он был одет вопреки моде. Пока мужчины вокруг задыхались в жестких воротниках-жабо и панталонах цвета раздавленной сливы, Дэн выбрал строгий черный фрак без единого украшения. Ни орденов, ни золотых цепей, ни бриллиантовых булавок. Единственным ярким пятном был его галстук-бабочка из темно-красного шелка, цвет которого почти идеально совпадал с оттенком свечения его глаз, когда те начинали уставать от симуляции человечности.

Аристократия обходила его стороной. Не из страха — большинство гостей считали его просто влиятельным чиновником Тайной Канцелярии, чем-то вроде личного палача императора, а таких людей принято уважительно игнорировать. Нет, их отталкивало нечто иное, животное. Инстинкт добычи чувствовал рядом хищника совершенно иного порядка. Рядом с ним самые уверенные в себе генералы внезапно начинали поправлять шейные платки, боясь показаться нелепыми, а великие интриганы теряли нить своих замыслов.

Зато женщины вели себя иначе. Они нарушали законы гравитации и приличий, словно металлические опилки, притянутые невидимым магнитом.

— Графиня де Вуар выглядит сегодня восхитительно, — раздался слева голос Элиана. Глава разведки возник из толпы бесшумно, держа в руке бокал с водой. Его черное кружево манжет резко контрастировало с белизной перчаток. — Говорят, она отравила двух мужей ради наследства. Идеальная партия для тебя, Писарь. Вы сможете травить друг друга вечерами ради спортивного интереса.

— Ее яд примитивен, — отозвался Дэн, не поворачивая головы. — Мышьяк с добавлением толченого изумруда для цвета. Слишком театрально. Она хочет, чтобы ее заметили. Скучно.

— Зато посмотри, как они к тебе липнут, — хмыкнул Элиан.

Дэн перевел взгляд в центр зала. Там вальсировали пары. Кавалеры вели своих дам уверенно, положив руки им на талии, но взгляды танцоров то и дело метались в сторону одинокой фигуры у колонны.

Три дамы высшего света одновременно «случайно» выронили свои веера прямо на пути следования Дэна. Две другие столкнулись лбами, пытаясь протиснуться к нему через толпу под предлогом поиска оброненной сережки. Молоденькая виконтесса, которой едва исполнилось семнадцать, стояла неподалеку, нервно теребя жемчужное ожерелье. Когда их глаза встретились, она густо покраснела и спряталась за спину своего престарелого мужа-сенатора. Девочка чувствовала исходящую от него угрозу, но угроза эта имела привкус запретного плода — абсо-

лютной власти, способной стереть любого мужчину, стоящего рядом с ней, в пыль одним движением брови.

— Они чувствуют пустоту, — сказал Дэн. — Я для них — чистый холст. У меня нет запаха дешевого табака, нет долгов перед ростовщиками, нет похмелья и нет жалкой потребности самоутвердиться. Я могу уничтожить их состояние одной запятой в реестре или подарить провинцию кивком головы. Я безопасен физически, но абсолютно непредсказуем социально. Для самки примата это высший афродизиак.

Элиан проследил за взглядом Дэна. Виконтесса снова выглянула из-за плеча мужа, бросив на Дэна отчаянно-восхищенный взор. — Осторожнее, — предупредил разведчик. — Муж сенатор входит в комиссию по бюджету. Если ты сломаешь ей психику, нам придется пересматривать налоги на соль.

— Не сломаю, — равнодушно бросил Дэн. — Максимум — бессонница и покупка нового платья. Кстати, о налогах...

Его прервал звук фанфар. Тяжелые двойные двери в конце зала распахнулись, пропуская главную процессию. Император, опирающийся на трость больше, чем требовал этикет, выглядел бледной тенью. За ним следовала Императрица-мать с лицом каменного идола. А затем шла она.

Королева Изольда.

Ей было двадцать четыре года. По законам империи королева была фигурой декоративной, красивой вазой, стоящей на камине монарха. Но Изольда правила балом так же естественно, как дышала. На ней было платье из серебряной парчи, скроенное по последней столичной моде — завышенная талия, открытые плечи, юбка-колокол, расшитая речным жемчугом. Но главным в ней были волосы. Невероятная грива цвета расплавленного золота, уложенная в сложную прическу, которая казалась слишком небрежной для дворца, и глаза глубокого фиалкового оттенка. Глаза человека, который видит стены своей золотой клетки насквозь.

Она остановилась на верхней ступени возвышения, где стояли троны. Обвела зал взглядом. Толпа замерла, преклоняя колени и головы. Изольда скользила глазами по лицам знати — скучающим, алчным, испуганным. И споткнулась о фигуру у колонны.

Их разделяло сто футов битком набитого людьми зала, грохот оркестра и слои социального протокола. Но Дэн почувствовал этот взгляд кожей, как физическое прикосновение холодного лезвия. Королева смотрела не на его статус. Она смотрела сквозь него, туда, куда даже Элиан боялся заглядывать — в ту бездну, где время застыло колом.

Изольда сделала шаг вперед, покидая официальную линию приема. Это было неслыханным нарушением этикета. Придворные ахнули.

Она начала спускаться по ступеням. Медленно, грациозно, каждый ее шаг заставлял сердца присутствующих биться чаще. Она прошла мимо вытянувшихся по струнке министров, мимо побледневшего супруга-императора, который открыл рот, чтобы отдать приказ страже, но вовремя осекся, встретившись с ледяным взглядом жены.

Изольда шла прямо к Дэну.

Толпа расступалась перед ней сама собой, создавая живой коридор. Женщины смотрели на нее с завистью, мужчины — с плохо скрываемым возбуждением. Королева снизошла до простого писаря. Это был скандал века.

Она остановилась в трех шагах от него. Музыка стихла — скрипачи сбились с ритма, увидев лицо правительницы. В зале повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь треском фитилей в свечах.

— Господин Архивариус, — произнесла Изольда. Голос у нее оказался низким, с легкой хрипотцой, выдающей привычку курить редкие южные травы. — Мне докладывали, что вы лучший танцор при дворе. Что вы считаете менуэт геометрической задачей, решаемой в уме за долю секунды. Это правда?

Элиан закашлялся, подавившись собственной слюной. Весь двор затаил дыхание. Приглашать мужчину на танец — вопиющая дерзость для королевы. Танец — это интимный контракт, разрешение на близость тел, которое обычно исходит от кавалера.

Дэн посмотрел на нее сверху вниз. Фиолетовый шелк ее платья отражался в его черных зрачках. — Геометрия предполагает наличие страсти, Ваше Величество, — ответил он своим спокойным бархатным голосом. — Страсть требует кислорода. Здесь слишком душно. Боюсь, я собою со счета шагов и наступлю вам на ногу. Это может вызвать международный конфликт.

По залу прошелестел смехок, тут же захлебнувшийся в ужасе. Никто не смел смеяться над словами королевы. Кроме него.

Изольда приподняла одну бровь. Уголок ее губ дернулся вверх. — Бойтесь смерти, господин Дэн? — спросила она тихо, так, чтобы слышал только он. — Бойтесь, что однажды ваша идеальная система даст сбой? Что какая-нибудь переменная окажется сильнее ваших расчетов?

Вопрос ударил точно в цель. Не потому, что попал в болезненное место — боли у Дэна не было, — а потому, что озвучил самую суть его существования. Страх смерти движет живыми. Чем заменить двигатель тому, кто является самим временем?

Дэн улыбнулся. Впервые за вечер его улыбка обнажила зубы, которые показались окружающим чуть более острыми, чем положено человеку. — Смерть — это всего лишь ошибка округления в балансе вселенной, Ваше Величество, — сказал он. — Самый неэффективный способ архивации данных. Я предпочитаю стагнацию. Она чище.

Он отставил пустой бокал на край ближайшего сервировочного стола. Бокал остался стоять под углом в сорок пять градусов, не пролив ни капли — еще одна капля контроля над миром.

— Позвольте вашу руку, — сказала Изольда и протянула ладонью вниз.

Это уже не было приглашением. Это был приказ коронованной особы, отданный в присутствии тысячи свидетелей. Отказ означал бы обезглавливание до рассвета.

Дэн поклонился с безупречной грацией автомата. Его левая рука легко накрыла ее пальцы. Кожа королевы была горячей, пульс под тонкой кожей бился быстро и взволнованно. Живое тепло рядом с его вечным холодом.

Они вышли в центр зала. Музыканты, повинаясь беззвучному приказу дирижера, начали вступление к Полночному вальсу — сложнейшему танцу, который танцевали только раз в году, на закрытии бала. Мелодия была быстрой, прерывистой, полной резких смен темпа.

Дэн положил правую руку на талию королевы. Даже сквозь плотный корсет и слои ткани он ощущал жар ее тела, напряжение мышц, трепет диафрагмы. Другой рукой он взял ее ладонь.

Для всех остальных началось представление. Королева Изольда всегда славилась неуклюжестью на паркете. Поговаривали, что во время прошлого Зимнего бала она отдала ноги трем герцогам. Сейчас же происходило невозможное.

Дэн вел. Он не делал широких шагов. Его движения были минималистичными, экономными, почти незаметными со стороны. Но каждое микродвижение его корпуса транслировалось через точки контакта в тело партнерши. Изольда летела по залу. Она делала сложные поддержки и повороты, которые считались физически невыполнимыми для женщины в тяжелом придворном платье. Ее золотые волосы развевались, жемчуг на груди вспыхивал в свете люстр. Она смеялась — открыто, счастливо, как девочка, впервые узнавшая вкус вина.

Вальс длился семь минут. Семь минут чистого физического совершенства. Когда затих последний аккорд, Изольда оказалась в объятиях Дэна. Он удерживал ее за секунду до того, как центробежная сила последнего поворота должна была бросить ее на паркет. Их лица оказались вплотную друг к другу. Расстояние между губами не превышало дюйма.

Зал взорвался аплодисментами. Офицеры гвардии кричали «Браво!». Дамы падали в обморок от восторга и зависти. Император сидел в своем кресле, белый как мел, сжимая подлокотники так, что побелели костяшки пальцев.

— Как? — выдохнула Изольда, глядя в его багровые глаза. Румянец возбуждения все еще горел на ее щеках. — Как вы это делаете?

— Чистая кинематика, — прошептал Дэн. — Центр масс вашего тела находится чуть выше, чем полагают ваши портные. Нужно лишь компенсировать инерцию... вот здесь.

Его свободная рука легла ей на поясницу, чуть нажимая. Королева почувствовала странный озноб. Давление его пальцев было математически точным — ровно столько фунтов на квадратный дюйм, чтобы заставить позвоночник выпрямиться идеальным стержнем.

— Вы не ответили на мой вопрос, — прошептала она в ответ, не отстраняясь. Ее фиалковые глаза потемнели. — Вам страшно?

Дэн смотрел в эти глаза. Он видел в них отражение собственного бессмертия. Она искала в нем трещину. Искала человеческое, чтобы зацепиться за него ногтями и убедиться, что она не единственная пленница этого мира роскоши.

Ему стало любопытно. Эксперимент требовал радикальных методов.

— Посмотрите мне в глаза, Изольда, — сказал он.

Его голос изменился. Исчез бархат, исчезла вежливая насмешка. Теперь это звучало как скрежет тектонических плит. Низкая вибрация, проникающая сквозь кости черепа прямо в мозг.

Она послушалась. Опасность притягивала ее сильнее, чем любой афродизиак.

Дэн моргнул.

Но мир вокруг не успел восстановиться после подъема век.

Звук лопнувшей струны — тот самый, знакомый Элиану по подземному архиву — прозвучал теперь в полную силу посреди балльного зала.

Хрустальные подвески гигантской люстры задрожали, но не издали ни звука. Огонь в тысяче свечей мгновенно остекленел, превратившись в желтые сталагмиты пламени, внутри которых можно было разглядеть каждую копоть. Музыка оборвалась на середине аккорда, вися в воздухе плотной, материальной массой.

Время остановилось.

Для всех, кроме двоих.

Дэн отпустил талию королевы. Сделал шаг назад. Он поднял левую руку и лениво шелкнул пальцами.

Серебряная вилка, выпавшая из рук обедавшего на балконе купца, сорвалась с пола. Она пролетела тридцать футов через весь зал, зависла прямо перед лицом императрицы-матери, медленно-медленно провернулась вокруг своей оси, отразив багровый свет глаз Дэна, и вонзилась в дерево кресла ровно в миллиметре от шеи старухи. Старуха даже не заметила этого — ее моргательный рефлекс занимал сейчас около часа субъективного времени.

Дэн обошел застывшую королеву кругом. Паркет не скрипел. Шелк ее платья не шуршал. Воздух имел плотность свинца.

Он остановился напротив Изольды. Протянул руку и коснулся кончиками пальцев ее ресниц. Ресницы опустились — он силой воли заставил мышцы ее век сократиться. Затем поднялись.

— Бойтесь ли *вы* смерти, моя королева? — спросил он.

Его губы не двигались. Звук рождался прямо в центре ее мозга. Мягкий, ласковый, убийственный шепот.

Он провел пальцем по воздуху вдоль ее скулы. Капля пота, скатившаяся по виску гвардейца, стоявшего навытяжку у стены, изменила траекторию. Она обогнула палец Дэна, не коснувшись его, и упала на пол с задержкой в несколько секунд, оставив влажный след в воздухе.

Дэн подошел ближе. Настолько близко, что мог чувствовать аромат ее духов — жасмин, кровь и власть. Он наклонил голову вбок, рассматривая структуру ее волос. Каждая золотая нить светилась изнутри собственным микровольтажем жизни.

— Смотрите, — сказал он вслух, зная, что в этом пузыре замороженного времени его услышит только она.

Он позволил своему истинному облику проступить сквозь человеческую оболочку. Не полностью — тогда здание дворца рухнуло бы под тяжестью его присутствия. Лишь намек. Эскиз.

Кожа на его лице пошла рябью, становясь полупрозрачной. Под ней на мгновение проступил узор переплетающихся формул и древних рун. Но самым страшным были глаза. Радужка заполнила собой всю видимую часть белка. Багровое сияние усилилось настолько, что перестало быть светом. Оно стало цветом самой Бездны. Глубокий, тяжелый кармин, в котором тонули надежды.

Изольда попыталась вдохнуть, но легкие отказывались работать в этой плотности вакуума. Она поняла, что стоит на краю пропасти. Этот человек — если его можно было так называть — только что показал ей изнанку реальности. Он продемонстрировал, что ее жизнь, ее корона, ее брак и ее танцы существуют исключительно потому, что он *позволяет* им существовать. Одним волевым усилием он мог превратить этот зал в братскую могилу, просто ускорив метаболизм каждого гостя так, чтобы их сердца взорвались от перегрузки. Или замедлить их старение до атома в столетие, превратив двор в музей восковых фигур.

Она увидела свою собственную смерть в этих глазах. Это не был огонь или меч. Это было растворение. Тихое, безболезненное стирание ластиком из бытия, потому что запись о ней в великой книге будет признана ошибочной.

Дэн удовлетворенно хмыкнул. Эксперимент удался. Реакция объекта: первобытный ужас, помноженный на сексуальное возбуждение высшей пробы. Классическая реакция млекопитающего на неизбежность.

— Нет, — прошептал он, возвращая своему лицу человеческий вид. Кожа вновь стала гладкой и смертельно бледной. — Мне не бывает страшно. Страшно становится другим. Тем, кто понимает, что их боги — лишь мои младшие клерки, заполняющие ведомости.

Он отступил на прежнюю позицию. Взял ее безвольно лежащую в его ладони руку и вернул на свое плечо. Положил свою руку обратно на ее талию.

И щелкнул пальцами второй раз.

Реальность схлопнулась.

Звук вернулся оглушительной волной. Рев восторженной толпы, грянувшая музыка, звон хрусталия. Время прыгнуло вперед, закрывая пробел. Для всех полутора тысяч гостей бала прошло ровно две секунды с момента окончания танца. Вилка наверху все еще летела, никто ничего не заметил.

Только Изольда знала.

Ее фиалковые глаза расширились. Дыхание сбилось. Сердце колотилось о ребра так, словно пыталось пробить грудную клетку и убежать. Колени дрожали, и если бы не стальная хватка Дэна на ее талии, она бы рухнула на пол к ногам собственного мужа.

— Вы... — прошептала она, глядя в его ставшие обычными, темные глаза.

— Я обещал не наступать вам на ногу, — мягко напомнил Дэн, начиная вести ее в следующей фигуре танца, которую оркестр начал играть по инерции. — Я солгал. Я наступил вам на душу. Надеюсь, каблук моего ботинка не оставил там неизгладимых следов. Хотя кого я обманываю. Оставил. Теперь вы будете слышать эхо моих слов каждый раз, когда будете смотреть на солнце.

Он улыбнулся той самой жутковатой, симметричной улыбкой.

— Продолжим, Ваше Величество? До конца мелодии осталось еще восемьдесят два такта. Было бы невежливо прерывать геометрию на полуслове.

Изольда сглотнула ком в горле. Ужас постепенно вымывался из ее крови, уступая место чему-то гораздо более опасному — абсолютному фатализму. Если монстр существует и управляет ее миром, единственный способ выжить — научиться понимать язык чудовища.

— Вы чудовище, — прошептала она, стараясь попадать в такт музыке, хотя ноги ее едва слушались.

— Нет, — возразил Дэн, плавно разворачивая ее в па-де-буре. — Чудовища едят детей и ломают мосты. Я — главный бухгалтер Апокалипсиса. Я просто подвожу баланс. И пока ваш муж недоплачивает налоги в северные провинции, наш баланс сходится с огромным дефицитом. Хотите узнать точную сумму долга короны перед законами термодинамики?

Изольда закрыла глаза, позволяя ему вести себя. Она прижималась к нему, ища в его холодной неподвижности спасения от хаоса, который он только что обрушил на ее разум. Остальные гости продолжали хлопать, влюбленно глядя на прекрасную пару, кружащуюся в центре зала. Они видели идеальный танец.

Лишь двое знали, что только что произошло падение империи. Империи здравого смысла королевы Изольды.

Где-то в тени балкона Элиан де Корвин допил свою воду и поставил бокал на перила. Он наблюдал за ними, и на лице главы разведки читалась сложная смесь тревоги и предвкушения. Он понял главное: Дэн перешел на новый уровень игры. Если раньше он манипулировал цифрами и указами, то теперь он начал коллекционировать души правящей династии.

Танец закончился. Дэн совершил последнее предписанное этикетом движение, склоняясь в глубоком поклоне и запечатлевая поцелуй на тыльной стороне ладони королевы. Губы его были холодными, как могильный камень.

Когда он выпрямился, Изольда наконец нашла в себе силы заговорить громко, на весь зал: — Господа! Наш дорогой Архивариус оказал мне честь, согласившись стать моим постоянным партнером по танцам на сегодняшний вечер!

Это была бомба. Королевский фаворит. Титул, не прописанный ни в одном законе, дающий право беспрепятственного доступа к монарху в любое время дня и ночи.

Император вскочил с места. Двор зашушукался. Политический ландшафт столицы только что просел на десять метров.

Дэн спокойно кивнул. — Почту за счастье, Ваше Величество. Но должен предупредить: я веду очень жестко. И никогда не извиняюсь за отдавленные пальцы.

Он предложил ей руку. Изольда, все еще находясь в состоянии экзистенциального шока, вложила свою дрожащую ладонь в его изгиб локтя.

Они пошли сквозь расступающуюся толпу — Золотая Богиня Правосудия и ее личный, беспощадный Бухгалтер Смерти. Над Сапфировым дворцом висела полная луна, и в ее призрачном свете радужки Дэна на мгновение полыхнули тревожным, насыщенным багрянцем, окрасив серебро облаков в цвет свежей венозной крови.

Глава 4. Клинок, прошедший мимо

Кабинет Дэна в подземном архиве был слишком стерилен для его нынешнего настроения. После бала прошло три дня. Три дня бесконечных государственных советов, пересмотра таможенных пошлин и подписания смертных приговоров тем аристократам, которые посмели назвать фаворитизм королевы Изольды государственной изменой. Дэн подписал их левой рукой, одновременно правой составляя график миграции перелетных птиц, который должен был совпасть с перемещением войск на южных границах.

Скука вернулась, но теперь она приобрела новый, пряный оттенок. Изольда была интересным уравнением. Она не боялась его — по крайней мере, не так, как боятся обычные люди. Ее страх перерос в болезненное любопытство. Каждую ночь она присылала за ним экипаж, вытаскивая из архива в свои покои только ради того, чтобы задать один вопрос, посмотреть в его глаза и увидеть там ту самую бездну, что разверзлась во время танца. Это было похоже на игру кошки со спичкой, пропитанной керосином.

Чтобы сбить этот сладкий привкус дворцовой интриги, Дэн решил спуститься к истокам. К тому месту, где вещи еще имели вес, плотность и честную цену, измеряемую не в золоте, а в сожженных калориях.

Район Кузнечной Лиги встретил его запахом раскаленного угля, окалины и мужского пота. Здесь, в лабиринте узких улочек Нижнего города, под нависающими вторыми этажами, закон писался не указами Сената, а весом молота. Фасады домов здесь были черными от вековой копоти, а брусчатка скользкой от смеси воды, крови и машинного масла.

Дэн шел пешком, без охраны, игнорируя грязь, пачкающую безупречные носки его сапог. Его фиолетовый камзол выглядел здесь как инородный предмет, ошибка мироздания, случайно залетевшая в жерло вулкана. Прохожие — грузчики с огромными ручищами, подмастерья в кожаных фартуках, покрытых ожогами, суровые женщины с корзинами угля — замолкали при его приближении. Они не знали его лица, но инстинкт самосохранения рептильного мозга кричал им то же самое, что и придворным дамам: «Беги». Но они не бежали. В Нижнем городе бегущий человек умирает первым. Они просто прижимались к стенам, давая ему пройти, словно реке смерти в человеческом обличье.

Он остановился перед вывеской, на которой неумелой, но уверенной рукой была выжжена надпись: «Горан. Инструменты и решетки».

Внутри кузницы царил полумрак, разрезаемый лишь багровыми отблесками горна. Воздух дрожал от жара. Горан, старый мастер с руками размером с лопаты и спиной, сгорбленной десятилетиями у наковальни, бил тяжелым молотом по полосе стали. Ритмичный звон металла о металл был единственной музыкой, которую признавал этот район. *Бам. Бам. Бам.* Каждый удар отдавался в грудной клетке вибрацией созидания.

— Опять ты, канцелярская крыса, — проворчал Горан, не прекращая работы и даже не повернув головы. Он узнал гостя по звуку шагов — слишком легким для человека, слишком тяжелым для призрака. — Пришел жаловаться, что мои петли скрипят? Так это смазка твоя имперская замерзает, а не моя работа плохая.

— Смазка идеальна, Горан, — ответил Дэн, подходя ближе к жару. От высокой температуры ткань его камзола начала едва заметно тлеть, но он этого не замечал. — Твои петли поют чище, чем хор мальчиков в Соборе Света. Я пришел посмотреть на нее.

Горан наконец опустил молот. Поднял кусок рога, зачерпнул воды из бочки и плеснул на заготовку. Раздалось яростное шипение, облако пара скрыло мастера почти полностью. Когда пар рассеялся, Горан вытер лоб грязной тряпкой и кивнул в сторону дальней стены.

Там, подвешенная на толстых цепях к потолочной балке, висела Секира Предела. Оружие, которое должно было стать венцом его карьеры. Лезвие в форме полумесяца было

выковано из переплетающихся жил светлой и темной стали — булатная сварка невероятной сложности. Рукоять из корня железного дерева казалась живой, пульсируя едва заметными прожилками древесных соков.

Дэн подошел к секире. Он не коснулся ее. Просто стоял, запрокинув голову. Даже сейчас, незаконченная, лишенная заточки, она давила на пространство своей массой. Это был не инструмент убийства. Это был артефакт первобытной ярости.

— Ты добавил пепел Феникса в сердечник? — спросил Дэн, проводя пальцем в воздухе вдоль режущей кромки, повторяя ее изгиб. — Добавил, — буркнул Горан. — Старуха плакала два дня, когда сжигала птицу. Говорит, примета дурная. Мол, оружие, рожденное смертью священного зверя, потребует жизни хозяина. — Твоя старушка путает поэзию с физикой, — Дэн перевел взгляд на мастера. — Ей нужно меньше пить настойку пустырника. Как идет процесс?

Прежде чем Горан успел ответить, боковая дверь кузницы, ведущая во внутренний двор, с тихим скрипом приоткрылась.

На пороге стояла девушка. Высокая, широкоплечая, с кожей, тронутой загаром и россыпью мелких шрамов на предплечьях — следы искр. На ней был надет мужской рабочий комбинезон, закатанный до колен, и тяжелые ботинки. Волосы цвета меди стянуты в небрежный узел на затылке, но несколько влажных прядей выбились и прилипли к шее, покрытой испариной. В руках она держала корзину со свежескошенной травой для смазки осей.

Она замерла, увидев незнакомца. Девушка привыкла видеть в отцовской кузнице либо угрюмых мастеров, либо таких же чумазных подмастерьев. Человек, пахнувший дорогим парфюмом, озоном и пылью древних библиотек, смотрелся здесь столь же уместно, как фарфоровая статуэтка в тигле.

Отец проследил за взглядом гостя. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. — Перестань столбом стоять, Мира, — крикнул Горан. — Неси траву в сарай, пока не растоптали! И принеси господину стул. Только вытри его, твой брат вчера разделявал там селедку.

Девушка вспыхнула до корней волос. Она неуклюже поклонилась, рассыпав половину травы, и метнулась во двор, стараясь не задеть Дэна краем корзины. Но избежать столкновения не удалось. Проходя мимо, она случайно задела его локтем.

Для обычного человека столкновение с дочерью кузнеца закончилось бы синяком. Для Мира оно обернулось катастрофой иного рода.

Когда ее кожа соприкоснулась с тканью рукава Дэна, девушку прошило разрядом, не имеющим отношения к статическому электричеству. Мир вокруг исчез. Остался только запах озона, холод звезд и ощущение падения в глубокий колодец. Она увидела на долю секунды — или на целую вечность — огромную библиотеку, уходящую в бесконечность, где каждая книга была жизнью, а полки ломились от томов, написанных на языках боли. Она почувствовала вкус железа на языке и услышала шепот миллиардов голосов. А потом все кончилось.

Мира пошатнулась, схватившись за край наковальни, чтобы не упасть. Сердце колотилось где-то в горле. Голова кружилась.

— Аккуратнее, госпожа ремесленница, — раздался совсем рядом голос Архивариуса. Он не звучал насмешливо. В нем была странная, вибрирующая мягкость. — Ваши траектории движения излишне хаотичны. Позвольте, я помогу.

Дэн шагнул вперед. Прежде чем Мира успела отстраниться или возмутиться такой дерзости, он взял корзину из ее ослабевших рук. Вес тяжелой лозы и влажной земли, казалось, вообще не отразился на его позе. Он поставил корзину на чистый табурет.

— Вы дочь мастера? — спросил он, глядя ей прямо в глаза. Его зрачки снова расширились, поглощая радужку, но красного свечения не было. Была лишь густая, теплая тьма, похожая на бархат южной ночи. — Да... господин, — выдохнула Мира, пытаясь восстановить дыхание. — Меня зовут Миранда. Но отец зовет меня Сорванцом. Или Катастрофой. Зависит от того, сколько посуды я разбила сегодня утром.

Она попыталась сделать шуточный поклон, подражая манерам знатных дам, которых видела на гравюрах, но вышло нелепо и очаровательно. Комбинезон стеснял движения, волосы лезли в лицо.

Дэн позволил себе редкую роскошь — искреннюю улыбку. Не хищный оскал, не вежливую ухмылку политика, а простое движение лицевых мышц, смягчавшее резкие черты его лица. — Катастрофа требует масштабности, Миранда. Разбитый сервиз — это всего лишь статистика брака. Впрочем, если вы разобьете мою любимую чашку династии Мин, я буду вынужден занести вас в графу «Избыточные потери» своего ежегодного отчета. А Император крайне недоволен ростом этой графы.

Мира рассмеялась. Смех был хриплым, непривычным для девичьего голоса, но удивительно заразительным. — Вам нужна чашка? У отца есть отличная медная кружка. Если ударить ею по голове, звук получается гулкий и долгий. Отличная проверка акустики помещения.

Горан громко кашлянул, напоминая о своем присутствии. Он точил нож на мокром бруске, но уши старого мастера ловили каждое слово. — Господин ценитель прекрасного отвлекает тебя от работы, дочка, — пробурчал он. — А убийцы ждать не любят.

Улыбка медленно стекла с лица Дэна, словно воск. Слово «убийца», произнесенное среди запаха каленой стали, вернуло ситуацию в привычное русло холодной аналитики. — Гильдия уже приняла контракт? — спросил Дэн, поворачиваясь к мастеру. Тон стал жестким, деловым. — Приняла час назад, — Горан сплюнул на пол. — Золото блестит ярче моей лучшей стали. Лучшие клинки ушли по теневым каналам. Сюда послали Мясника.

Дэн приподнял бровь. Имя заставило воздух в кузнице похолодать на несколько градусов. — Стефан-Мясник. Специализация: кинетическое проникновение. Предпочитает метательное железо. Работает через архитектуру зданий. Любит высоту.

— Именно, — кивнул Горан. — Я видел его тень на крыше напротив полчаса назад. Думал, померещилось от жары. Значит, скоро будет здесь. Через вентиляционную шахту. Там решетка старая, он ее вскрыет бесшумно.

Мира слушала этот диалог, бледнея. Эти двое обсуждали ее грядущую смерть так спокойно, будто планировали завтрашний обед.

— Оставьте девочку здесь, — сказал Дэн. — Случайные переменные мешают расчету. Мира, идите во двор. Закройте дверь на засов. И если услышите звук падающего тела, не заходите ровно сорок секунд. Мой костюм стоит дороже вашего годового дохода, я не хочу испачкать его вашей кровью.

Это было сказано буднично, почти ласково. Но от последнего предложения кровь застыла в жилах Мира. Она посмотрела на спокойное лицо мужчины, затем на тяжелый тесак в руке отца. Поняв, что спорить бесполезно и опасно, она слотнула, схватила со стола небольшой кузнечный молоток — скорее для самоуспокоения, чем для защиты — и выскочила во двор, плотно прикрыв тяжелую дубовую створку.

Как только дверь закрылась, атмосфера в кузнице изменилась. Исчез налет светской беседы. Пространство сжалось.

— Где именно? — спросил Дэн. — Юго-восточный угол крыши, — мгновенно отозвался Горан. — Третье слуховое окно.

Дэн подошел к противоположной стене. Там располагалась широкая вытяжная труба, закрытая массивной чугунной решеткой. Он положил ладонь на холодный металл. — Он начнет с дистального крепления. Левое верхнее. Использует кислотную пасту на основе желчи василиска. Растворяет штифты за двенадцать секунд. Затем применит гидравлический домкрат скрытого ношения...

Скришип.

Звук был настолько тихим, что обычный человек принял бы его за сквозняк. Но для Дэна он прозвучал как пушечный выстрел. Чуть более высокий резонанс, чем должен быть у трущегося о камень металла. Мясник начал работу.

Дэн отошел от стены. Поправил манжету. Расправил плечи. — Горан, продолжайте работать. Бейте молотом. Ровно. Семьдесят ударов в минуту. Мне нужен звуковой фон. И откройте вон тот люк в полу. Запах серы из литейки пойдет вверх. Он собьет тепловой контур моего плаща, дезориентирует его сенсоры.

Мастер молча кивнул. Ему не нужны были объяснения. Он схватил свой гигантский молот и обрушил его на полосу металла, лежащую на наковальне. *БАМ!* Оглушительный, ритмичный грохот заполнил кузницу, заставляя плясать огонь в горне. Одновременно Горан поддел ногой ржавое кольцо. Тяжелая крышка люка со скрежетом отъехала в сторону, выпуская наружу едкое облачко сизого дыма.

Дэн встал точно в центре комнаты. Прямо под самой большой люстрой, собранной из старых шестеренок и цепей. Он закрыл глаза. Сделал глубокий вдох, впитывая запахи кузницы: пот, уголь, кровь (где-то в углу сохла туша разделанного барана), страх и гордость.

Он ждал.

Стефан-Мясник любил свою работу за математику. Кровь была лишь побочным продуктом геометрии. Сейчас он находился на высоте тридцати футов, распластавшись на горячей черепице. Его пальцы в тонких кожаных перчатках работали внутри механизма распорок. Решетка трещала. Еще пять секунд.

Он знал всё о цели. Дэн, Архивариус. Тот самый серый кардинал, сломавший хребет Ордену Света простым морганием. Заказчик платил алмазами. Сумма позволяла Стефану купить собственный квартал. Дело оставалось за малым: точный бросок сквозь открытое окно. Стиллет из матового стекла, отравленный нервно-паралитическим ядом мгновенного действия. Яд блокирует передачу нервных импульсов быстрее, чем сердце успевает осознать остановку. Лицо жертвы застынет в последнем выражении удивления. Эстетично.

Решетка поддалась. Бесшумно упала внутрь, подняв облачко пыли. Стефан подтянулся на мускулистых руках и проскользнул в темноту вентиляционной шахты. Тепловизионные линзы его маски-респиратора переключились в ночной режим.

Внизу, в красноватом тумане от литейки, виднелась фигура. Мужчина в черном. Стоит неподвижно. Ждет.

«Высокомерный идиот», — подумал Стефан. — «Думаешь, твои дешевые трюки с дымом обманут мой калиброванный глаз?»

Он пополз по шахте, используя силу одних лишь пальцев ног и спины. Ни единого звука. Двадцать футов. Пятнадцать. Десять.

Позиция идеальная. Окно вентиляции выходило прямо над центром комнаты. Угол броска — сорок пять градусов. Ветер отсутствует.

Стефан вытащил стек. Узкий, трехгранный стержень черного обсидиана. Центр тяжести смещен идеально. Он поднял руку, примериваясь. Цель внизу поправила воротник. Медленно. Театрально.

Пора.

Стефан разжал пальцы.

Стек устремился вниз, превращаясь в неразличимую серебряную нить. Скорость свободного падения плюс начальный импульс руки давали суммарную энергию, способную пробить латный нагрудник. Обсидиановое острие целило точно в основание шеи Дэна, между третьим и четвертым позвонком.

Дэн открыл глаза.

В ту секунду, когда наконечник стека должен был коснуться его кожи, реальность дала сбой.

Лицо Дэна начало меняться. Черты поплыли, теряя объем. Кожа потеряла способность отражать свет. Камзол растворился. Мастер Горан, продолжавший размеренно бить молотом (*бам! бам! бам!*), краем глаза уловил движение и на мгновение зажмурился от рези в глазах. Когда он открыл их, на месте Архивариуса больше не было человека.

Там была дыра в пространстве.

Абсолютно черный провал неправильной формы, висящий в воздухе посреди кузницы. Это не была тень — тени имеют границы и требуют источника света. Это было Отсутствие. Материя вокруг него скукоживалась, воздух втягивался внутрь с тихим, голодным свистом. Температура в комнате упала ниже нуля. Дыхание Горана вырвалось изо рта густым белым паром.

Стилет достиг цели. Вернее, той точки, где цель находилась миллисекунду назад. Обсидиановое острие вошло в центр черной массы. И исчезло. Без всплеска. Без сопротивления. Лезвие просто перестало существовать. Атомы стекла были аннигилированы законами логики, которые Дэн временно отменил в этом помещении.

Черное пятно вздулось, поглотив остатки вентиляции, края люка и часть пола. Оно пульсировало, как живое сердце тьмы. А затем из центра этой аномалии медленно проступил человеческий силуэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.